

Генрих Гиммлер
Голос Наших Предков

Генрих Гиммлер

Голос наших Предков

Языческая Белоснежка и злая королева-христианство

Там они висят на стене, сто девяносто шесть маленьких табличек в овальных позолочённых рамках. Их всё ещё меньше, чем должно быть. Все рамки в верхних рядах содержат только имена с несколькими датами на белой бумаге.

Но в нижних рядах они оживают. Портреты начинаются со времён Тридцатилетней войны. Это прекрасные миниатюры, аккуратно нарисованные острой кистью на слоновой кости, что давно пожелтела.

Нельзя не задуматься о том, с какой трудностью художнику удалось изобразить эти суровые и гордые черты лица своей мягкой, как шерсть куницы, кистью. Все белые воротнички с оборками, кружева, рукава с буфами на «джентльменах», жабо не оказывают никакого эффекта на этих портретах начала восемнадцатого века. «Леди»? «Джентльмены»? Нет, разумеется! Несмотря на бархат и шёлк, среди нет ни «леди», ни «джентльменов». Все они Мужчины и Женщины — и это говорит намного больше, чем сегодняшние «джентльмены».

Они, снова живя на своих портретах там на стене, когда-то были свободны! Это то, к чему мы пришли: мы должны изгнать наших Предков в рамки или в демографическую статистику на стене, чтобы дать им слабое присутствие в наших смутных воспоминаниях. Предки? Сегодня люди даже не знают даты рождения и смерти собственных родителей. Конечно, они же где-то записаны. Удивительно, если человек знает что-то о своём деде, не говоря уже о прадеде.

Что до прапрадеда, о нём не думают вообще, как будто его никогда и не существовало. Раньше, намного раньше, всё было иначе. Это было до того, как слова стали простым товаром, используемым для придумывания лжи, когда человек всё ещё жил словом; тогда не было необходимости записывать и регистрировать чьих-либо Предков. Это было время, когда живой Кровоток от сына к отцу, от отца к деду и к прадеду, и к прапрадеду ещё не был перекрыт. Он ещё не затонул так глубоко под чужеродными ценностями в умах и душах, как сегодня, так, что большинство не слышит Его бурчания даже в самый тихий час. Когда всё прошлое пребывало в сердцах живущих. И из этого прошлого настоящее и будущее росли вверх, как сильные ветви здорового дерева. А сегодня? Они смеются над Мифами и Сказками нашего Народного творчества, даже не понимая их. Тем не менее, что осталось с нами из «Давным-давно» наших Сказаний, служит напоминанием, указывающим нам путь назад, в тысячелетия нашего великого прошлого.

Вы верите в то, что прошлое и ушедшее для нас не имеет значения? Вздор! Человек, в груди которого больше не бодрствует «Давным-давно» его собственной расы, не имеет будущего, которое принадлежало бы действительно ему. Насколько своевременным было бы появление человека, который снова раскроет значение наших Сказаний и покажет, что наша борьба за свободу земли, которая нас родила, так же является борьбой наших Предков, которую они вели сотни и тысячи лет назад!

Знаете ли вы, что, когда вы читали о Белоснежке и злой королеве, что приходила каждый раз через горы, чтобы убить Белоснежку, теми горами были Альпы, а королева

приходила из Рима, заклятого врага всего Нордического? Подумайте о постоянных вопросах королевы: «Свет мой, зеркальце, скажи, кто на Свете всех милее?» и, пока думаете об этих вопросах, подумайте о Риме, который не мог успокоиться, пока всё Нордическое, яркое и радостное, не было бы уничтожено, и не осталась бы только тьма, чёрная, как сама королева из сказки, которая могла стать самой красивой, лишь если бы всё Белое было бы мертво.

То, что пришло через южные горы, не терпело равных. Все должны были склониться и целовать этому пятки. Когда королева впервые спустилась с гор, одетая, как торговец с дальних земель, она предложила Белоснежке заколдованный корсет — заколдованный, потому что он был инородным. Затем она затянула шнурки на нём так, что Белоснежка потеряла сознание и упала. Римские эмиссары затягивали Нордический дух в душающих узах чуждых концепций и обманчивых слов.

Но губительному плану королевы не удалось сбыться. Гномы — добрые духи Народных Сказаний - пришли и освободили Белоснежку. Фризы разбили римских эмиссаров, которые пытались искоренить силу нашего народа своими доктринами нищеты и рабства. Приблизительно тысячу лет Нордические племена боролись с ядом Синая, который постепенно загрязнял их кровь.

И, когда тщеславная королева снова спросила своё зеркало, ответ был: «... Но Белоснежка за семью горами с семью дворфами в тысячу раз прекраснее тебя.», и королева, ведомая неугомонной завистью, с новым обманом пересекла снежную стену Альп. Она предложила Белоснежке блестящий сверкающий гребень, самую экзотическую вещицу, которая та когда-либо видела. «Священная Римская Империя» сбила Нордическую Волю-к-действию с её естественного курса; Нордические лидеры один за другим переходили на сторону Рима, следствием чего стал беспорядок и римское право на наших землях, которое сковало нашу Нордическую гордость. Это началось с Карла, навеки проклятого франка, убийцы Саксонцев. На его руках кровь самых знатных людей нашего народа от Аллера до Фердена. В признание за его заслуги римские жрецы даровали ему титул «Великий».

Навеки безмолвны уста нашего народа, который прозвал гнусного франка, «Карл, убийца Саксонцев!».

Несмотря на это, Нордический дух остался несломленным; нечестивая королева всё ещё не стала всех милее на земле. И вот, на третий раз на спустилась и преподнесла Белоснежке залитое румянцем, но отравленное яблоко. Первый же укус застрял у Белоснежке в горле, и она упала, словно мёртвая. Это яблоко символизирует отказ от нашей Природы, уход от Родовых Обычаев и Традиций. «Как мёртвая» - сказка говорит о громадной Силе, спящей в нашем народе, указывая, что в один великий час, когда эта Мощь пробудится, цепи Синая будут гордо сброшены. Настал ли этот долгожданный час?

«Белоснежка» всего лишь одна из сотен и сотен стародавних Нордических Сказок, которые множеством разных историй напоминают о тех трудностях и угнетениях,

которые лежали на плечах наших мудрых предков.

И пока Рим хлыстал кнутом по нашей земле, беспощадно уничтожая всё истинное проявление нашей природы, наши мудрые предки вживались в эти сказки, используя красочные символы и аллегории, наследие нашей Традиции. Но влияние Рима дотянулось до наших Сказаний и Саг, фальсифицируя их, давая им новое значение и делая выгодными для римской власти. Таким образом, это стало причиной того, что наши люди больше не смогли распознавать голоса наших предков, и потому сбивались с пути множество нынешних столетий, становясь всё более отдалёнными от наших собственных Традиций, подчиняясь Риму, а соответственно, и Иудее. Только тот, кто несёт собственную душу, живую и пламенеющую в его груди, является индивидуальностью — лидером.

И тот, кто покидает своих и себе подобных - раб. Ключ к свободе лежит внутри нас самих! Сейчас мы обязаны снова вслушаться в голос наших предков и защитить нашу сущность от чужеродного влияния, защитить то, что хочет возрасти из наших душ. Сильнее любой армии человек, владеющий Силой, находящейся внутри него самого!

Я задумчиво смотрю на длинные ряды мои предков. Последние представители уходят так далеко, что имена и даты едва сохранились на бумаге. Но их голоса закипают в моей крови, потому что их кровь — моя кровь.

Я думаю о том, как франко-говорящие монахи пришли из Швейцарии, чтобы крестить наших предков, Вандалов и Готов. Даже их заклятые враги, римляне, говорили: «Где Готы, там правит добродетель. А где Вандалы, там даже римлянин становится целомудренным.».

И Этим Людям синайские заповеди были предложены как путеводные огни их жизней! Можно ли понять, почему эти люди смеялись, когда слышали эти заповеди, говорящие не совершать то, что они даже не думали совершать?

Можно ли понять, почему они в ярости подняли свои мечи, когда монахи сказали, что они «рождены во грехе» - эти лучшие из Готов, само имя которых означает «чистые»?

Можно ли понять, какое невыразимое презрение они испытывали к тем, кто пообещал им награду в виде рая за воздержание от тех поступков, которые даже по своей сути были ниже достоинства животных?

Этим людям были предоставлены заповеди; людям, бесконечно превосходящим в достоинстве и морали этих монахов, которые эти заповеди и принесли. На протяжении бесчисленного множества поколений они жили много выше морального плато, на котором действовали синайские заповеди. За тысячелетия до «Христа», которого олицетворяли монахи, наши предки сеяли семена культуры и цивилизации через свои плодотворные путешествия и странствия.

Когда я смотрю на эти маленькие портреты и вижу в их твёрдо сдержанных лицах очертания моих предков, которые больше не обращают никакого внимания на нынешние времена, кажется, что мы спустились с высокой-высокой лестницы — лестницы, на которую обязаны вновь подняться. В настоящее время редкость, когда мы бы хотя бы немного становимся похожими на тех, кем были они. Они были в тесных отношениях с Всеотцом, и им не приходилось прибегать к посредникам, когда они хотели обратиться к нему. И даже тогда они не знали, как молить и умолять, они были слишком гордыми и слишком разумными, чтобы не заниматься молитвами.

Блага, за которые приходится молиться, не настоящие блага! Они не хотели подарков; либо они имели всё, в чём нуждались, либо самостоятельно получали желаемое. Их кредом было изречение, краткое, как взмах века, и чистое и глубокое, как горный ручей: «ПОСТУПАЙ ПРАВИЛЬНО И НИЧЕГО НЕ БОЙСЯ!».

Что до религии, им не было необходимо выражать её словами, что соответствовало людям, бережливо относящимся к своим словам. Они несли своё духовное сознание глубоко в своих душах; оно служило им как стрелка компаса, что всегда направляла корабли в верном направлении.

Не была ли эта религия лучше той, которая записана в толстую книгу, чтобы не забылась, и которую нельзя должным образом понять, пока не придёт поп и не растолкует написанное? И даже так требуется уверовать в правильность этой смутной интерпретации.

В их время вера была знанием и выросла из крови. Сегодня она должна быть заучена, потому что это чуждая вера, не способная пустить корни в нашей крови. Это догмы и доктрины, которые никто не может понять и которые большинство из нас безмолвно отвергают, потому что это противоположно природе и разуму. Скажите мне — стали мы лучше после принятия этой новой религии? Великая неопишуемая печаль живёт в груди большинства из нас, безграничное чувство бездомности, потому что путь наших предков живёт в нашей Нордической крови, как мечта.

Мы снова хотим быть свободными от греха, какими были наши предки. Мы устали быть скромными, и маленькими, и слабыми, такими, какими требует от нас быть бог, который презирает свои собственные творения и смотрит на мир, как на логово упадка. Мы хотим снова быть гордыми, великими и сильными, совершать деяния для себя самих!

Как же отличаются эти лица на стене от сегодняшних лиц! Только присмотревшись, можно найти след этой чёткости черт лица в нынешних поколениях.

То, что было доминирующим в наших Предках настолько, что отражалось в их лицах, исчезло обратно в нашу кровь, чтобы сниться. Поэтому сегодня лица так часто вводят нас в заблуждение. Множество людей, чей цвет волос и глаз пришли с юга, всё ещё имеют огромную часть крови от Нордических отцов. И многие, которые кажутся забытыми за последние две тысячи лет, носят свои яркие волосы, серые или голубые

глаза только как обманчивую маску, а их кровь не имеет ни следа от их Северных отцов. Один имеет внешность чужака и сохраняет свою Нордическую кровь. Другой принял чужеродную кровь и носит своё Нордическое лицо, как иллюзию. Что же лучше?

Сегодня необходимо смотреть в глаза человеку и видеть, остаются ли они твёрдыми, сияющими, пронзительными или нет.

Душа светит через глаза, и это не обманет. Было много мятежников среди людей висящих на стене, людей, которые покинули дом; многие отказались прогнуться под власть имущих. Эти люди, они не могли сломаться. Они предпочли быть бедными за границей, нежели подчинёнными дома. Но долго бедными они не были. Те, кто уехал за границу, следовали неугомонному потоку своей крови, который не позволял им быть спокойными, пока те не найдут себя; отвергая чуждое и следуя Кровотоку Отцов, они стали сознательными звеньями в цепи Отцов, замыкая великий родственный круг.

Когда один из них возвращался домой, а они все вернулись домой, он становился спокойным, полноценным себя человеком. Тяжело описать это качество полноценности. Если другие в замешательстве пустословят, а такой человек тихо произнесёт пару слов, все они поймут и станут тихими и вежливыми. И такой человек не задаёт вопросов; другие задают вопросы ему! Посмотрите в их глаза; как они покорили жизнь, так они состояли в близких отношениях со смертью.

Для них смерть была верным компаньоном жизни. Эти самые глаза появляются среди них и в последних поколениях. Один из таких; Его звали Эрик, и он пал под Кеммельбергом. Стальной шлем стал частью его самого. Его рот — твёрдая, прямая линия. Но в его двадцатилетних глазах мерцает смех. И с этим смехом, чуждым его рту, и подмигиванием, приветствующим его кулак, прижимающийся к груди, когда он проходит мимо, Эрик принял смерть. Я не могу представить Эрика, стоящего на коленях, жалобным голосом молящего какого-то бога на облачке о пощаде и помощи.

Таким я его представляю: прыгающим с полуприседа и с яростным криком пронзающим своим огромным мечом атакующего врага, после чего, всё ещё в прыжке, будучи пронзённым вражеской стрелой, рухнувшим на землю с последней мыслью «Я сделал всё для Германии!».

Эрик схватил горькую чашу и с гордым смехом выпил её одним глотком без гримасы. Затем постучал ногтем по чаше, чтобы все слышали, что она пуста.

Он не молился: «Отец, да минует меня чаша сия, пусть не коснётся меня горе, несчастье...». Он протянул руку и сам схватил её, ибо знал... Всё необходимое — хорошо! Под портретом Эрика его девиз, написанный его собственным твёрдым, ясным почерком: «Пусть человек будет благородным, великодушным, верным и честным». Не говорит ли это много больше, чем те заповеди, которые Моисей преподнёс развратной черни в пустыне, чтобы заставить эту орду ухватить зачатки человечности?

Заповеди соответствовали этому древнееврейскому стаду. Даже Египтяне прогнали их со своей земли. Даже рабами древние евреи были слишком порочны и отравляли жизнь Египтянам. Евреи — богом избранный народ! Это слишком смешно, чтобы кто-то воспринял это всерьёз. Заповедь предполагает нарушение. Любой может понять из этой нужды в заповедях (которые не требуют ничего, кроме обычного поведения для того, чтобы называться «человеческими существами»), какому творению они были даны, творению, которое было способно претендовать не более чем на одну лишь схожесть с человеком.

Для Северных людей эти заповеди были клеветой, непростительным оскорблением для их священной крови.

Таким образом, поднялся из пылающего негодования Нордической крови Видукинд Саксонский, который приходил снова и снова, чтобы вести свой народ против доктрин Синая. Против этих учений, являющихся ядом для нашей крови. Вы спросите — Видукинд больше не вернётся? Слушайте: Видукинд умрёт только вместе с последним Нордическим человеком! Пока жив хотя бы один Ариец, Видукинд жив и мир не застрахован от него!

[Видукинд был Саксонским вождём, который возглавлял сопротивление Карлу Великому, королю Священной Римской Империи, который насаживал христианство Немецкому народу. Видукинд стал символом Северного Язычества и всего сопротивления власти.]

Семидесяти миллионов Арийцев на этой славной земле более чем достаточно для всего, что приходит с Синая. Остаток, который остаётся чистым, будет вести себя достойно, когда мечи прогремят на щитах и горны призовут к последней великой битве этого жалкого тысячелетия.

Тот, кто всё ещё дремлет, чья кровь тускла и скисла, бесславен! Он будет бездумно растоптан храбрецами, что будут бросаться в битву на каждой улице Арийской родины.

Древний обычай нашего рода остался жив даже на сегодняшний день в многих частях нашей Северной родины. Было время, когда казалось, что эта практика, данная нам нашими дальними отцами, умрёт. Но она возродилась — и наступило время, когда все наши великие и прекрасные люди снова поймут значение этого обычая и зазвучат им.

Наши предки давали каждому ребёнку сильное имя, полное радости и жизненной силы. В действительности они одалживали ему это имя. И оно было яркой надеждой для ребёнка на его жизненном пути, намного опередившей его самого.

Ребёнок носил это имя в своей душе, как самое ценное сокровище, потому что это было так же и священной обязанностью.

Это имя усиливало душу ребёнка, когда тот развивался в сознательную, зрелую

личность.

Когда ребёнок становился юношей, старшие рода собирались на празднование, на котором решали, соответствует ли имя, данное ему, его характеру. Если человек соответствовал своему имени, то он оставлял его на всю жизнь. В ином случае юноша выбирал себе имя, соответствующее его натуре. Получилось так, что наши предки соответствовали своим именам, а их имена соответствовали им. И именно поэтому имя имело вес, как рунный меч, как их слово и рукопожатие, как да и нет.

Во времена христианства наши предки по новому заграничному закону вынуждены были принять ещё одно имя; оно записывалось в церковный список, в первую очередь для выгоды счётчика. Власти были вынуждены записать живое языческое имя человека рядом с бесхарактерным христианским именем в счётчике, чтобы он не стал листом фантомов.

В те времена родились самые честные мужчины и самые гордые женщины нашей расы.

Я подхожу ближе к рядам изображений и читаю имена. Старейшие: Хельга, Фромунд, Мейнрад, Марквард, Ран, Вальтари, Эйгель, Асмус, Бьорн. Не правда ли старые имена? Эти имена рождены из великого языка нашего народа. Среди них нет иностранных, поддельных звуков. Они звенят правдой для ушей. Эти имена вкуса солёного моря, сильной, плодородной земли, имена воздуха и солнечного света. Вы это чувствуете?

Немногие заметят, очень немногие. Собственный язык стал чужд для них и сделался не более, чем разговорным. После первых рядов наши предки стали давать имена Готтлим, Христиан, Либрехт, Христоф (что значит боголюбивый, богопоклонник богобоязненный, праведник, носитель христа)... Ещё позже пришли имена Паулюс, Йоханнес, Петрус, Христофорус, Корбинианус, Стефанус, Карлус. В те времена не было других имён у наших предков. Вы чувствуете, что что-то сломалось в этих людях, как они отделились от своей природы? Чувствуете, как круто спускается лестница?

Судьба заключена в изменении этих имён. Это не судьба индивида или племени, но всех людей нашего Народа. Но потом случилось что-то странное. Те, кто был отцами наречён Карлос или Паулюс, внезапно сочли эти имена раздражительными, чуждыми, неправильными. А теперь идёт поколение, что отправилось на Великую Войну. Имена с маленькими железными крестами рядом с датами их смерти всего через 20, или даже меньше, лет от даты рождения читаются: Йохан, Дитер, Асмус, Вальтер, Эрвин, Роланд, Георг... Эти имена существуют и сегодня.

И как читаются имена нашей молодёжи, тех, кто сохраняет свои имена в третьем тысячелетии после Нордического самопрощения? Герхард, Хартмуд, Дитрих, Инго, Дагвин, Хельмут, Гюнтер, Гернот, Ингеборг, Хельга... Сделала ли это Великая Война? Имена повествуют историю.

Некоторые мужчины одеты в священнические одежды. И художник оставил нам ключ к

разгадке этого. И тот, кто сможет найти его, увидит, насколько сильно омрачено сердце человека тенью тёмных одежд, которые тот носит.

Все изображения — протреты-бюсты, несмотря на это, художник на одном из портретов изображает руку. Это сильная, жилистая рука из тех, которые могут управлять кораблём во время шторма.

Чёрная книга в этой руке похожа на незамысловатую игрушку. Эта рука не благословляет врага; она его сокрушает. Его имя Фрид. Странное имя для священника. «Фрид» означает «Похититель спокойствия». Другой портрет показывает мужчину с серыми растрёпанными волосами. У него ястребиный нос, и в его глазах можно увидеть неограниченный взор. Действительно ли Ран склонил свою голову в смирении, раскаянии и унижении? Действительно ли он презирал мир и полагался на силу, отличную от своей собственной?

Я знаю, почему судьба распорядилась, чтобы эти люди носили чёрные робы; если бы не они, сегодня на Севере было бы много меньше язычников; без них было бы намного больше тех, кто сменил собственное представление о Боге на инородное и устал от собственной силы и от мира; и много больше людей были бы совращены чуждой доктриной, которая превратила бы их в рабов, забывших собственную кровь.

Они истинные святые, поскольку, несмотря на священнические рясы, внутри они сохранили самих себя. Они боролись с врагом его собственным оружием. Люди назвали их «ЯЗЫЧНИКИ». Некоторые настолько гордились этим титулом, что включили его в свои имена, словно драгоценное украшение, которое можно надеть. Потому что язычник именно тот, кто остаётся верен себе и своему роду, тот, в чьих венах кровь остаётся чиста. И эта чистая кровь с уважением смотрит на мир, без полной ненависти усмешки Синая или слабых колет Назарета. Она несёт божественность, ясность, чистоту и прекрасное в своём красном потоке, настолько долго, насколько существует раса. Не один из этих людей никогда не искал Бога. Они не ищут того, кто обитает в их собственной душе.

Никто из этих людей не был терзаем сомнениями относительно божественного. Только тот, кто изменяет божественности в себе и предлагает свою душу чужому богу, имеет такие терзания. Сомнение вечно там, где есть вечный чужак, а, следовательно, и вечное неизвестное.

Христианин вечно терзаем сомнением.

Может ли быть верным тот, кто неверен себе? Может ли быть великим тот, кто поглощён стремлением превратиться в прах? Может ли быть сильным тот, кто любит слабость? Может ли быть гордым тот, кто одиноко блуждает в покорности? Может ли быть чистым тот, кто утверждает, что родился во грехе? Может ли быть счастлив в этом мире тот, кто презирает этот мир? И может ли носить в своей душе Творца тот, кто презирает божественное Творение?

Какой же странный у вас, христиане, бог, который создал вас прямыми, но приказывает волочиться к нему на коленях!

Мы, язычники, не вымаливаемся к нашему Создателю; это было бы оскорблением божественного в наших душах.

Мы, язычники, не приходим к нашему Создателю с нытьём. Мы не провозглашаем о наших неудачах ни миру, ни, тем более, Создателю. Мы стремимся преодолеть наши недостатки и расти.

Наш путь не в плаче, но в ярости, в первую очередь в ярости на самих себя. Мы, язычники, не каемся, потому что не можем быть слабыми; мы имеем мужество стоять на своём.

Почему вы, христиане, сделали имя «Язычник» оскорбительным? Вы не должны торговать своей низостью на улице, поскольку это позволяет людям видеть, что любовь, которую вам приказано демонстрировать, связана с ненавистью, и что покаяние, которого от вас требует ваша религия, обременено вожделением мщениия. Только завистник сутулится, чтобы оскорбить. Мы видим вашу зависть и стыдимся за вас, поскольку многие из вас всё ещё являются нашими братьями по крови.

Было время, когда быть христианином было позорно. Но затем вы начали покорять массы, и так вы смогли поменяться ролями и сделали благочестие позором. Затем вы оклеймили нас «чужаками» и прозвали язычниками. Мы остались «чужаками», несмотря на ваши насмешки. Мы никогда не станем массой или стадом. Знаете ли вы, что среди вас так же много таких же «чужаков», как мы? Почему вы не скинете тряпье нищеты с благородных одеяний вашей мужественности?

Вам стыдно быть «чужаками»? Бойтесь быть названы язычниками? Когда вы, христиане, закончите хоронить своего божка на облачке — приходите к нам; мы, язычники, снова покажем вам Создателя. И не думайте, что мы свели счёта с вами, христиане. Мы молча взвешиваем — но мы не взвешиваем ложный груз.

Мы не предаём Бога в себе, поскольку не предаём себя. И как мы справедливо взвешивали, так и рассчитывали, так мы и будем справедливо считаться с Богом в наших душах. Вы видите, мы не каемся, поскольку нам не в чём каяться. Наша ценность ни в чём не нуждается. Мы хранили и сохранили всю нашу ценность. А теперь взвешиваете вы! И когда вы взвесили, рассчитав и оценив, спросите свой завистливый дух, как много вы потеряли. Тот, кто ничего не потерял, не испытывает зависти и ненависти к нам, язычникам.

Мелочный человек ненавидит всё, что выше его, в то время, как великий восхищается. Мелочный человек жалеет то, что ниже его, а то время, как великий презирает это, если это заслуживает презрения, или помогает этому. Вот в колыбели лежит мой сын, радостно тянется к портретам своих предков на стене.

Этот маленький смеющийся комочек жизни — следующий шаг в будущее моей расы. Я был предыдущим шагом. Он следующий. И позади себя я вижу путь моей расы, уходящий в далёкие тысячелетия, пока он не окутан туманом времени, потому что поколения, которые пришли до самых первых на стене, так же реальны. Весь путь моей расы во времени я знать не могу — но я знаю, что я живу и что я только звено в цепи, в которой ни одно звено не должно пасть, покуда живы мои люди. Иначе меня никогда не было бы. На протяжении поколений моей семьи передавалась книга в пергаментном переплёте. Я открываю её и пишу на пожелтевшей странице моему сыну: «Твоя жизнь это не сегодня и не завтра. Она — тысячелетия, которые были до тебя, и тысячелетия после тебя. В течение тысячелетий до тебя твоя кровь сохранялась чистой, дабы ты был тем, кто ты есть. Теперь ты должен сохранить свою кровь, чтобы все поколения следующих тысячелетий почитали и благодарили тебя.»

В этом значение жизни, в том, что божественность пробуждается в крови. Но живёт только в чистой крови!

О ком я говорил? О моих предках? Они лишь символ Народа, частью которого я являюсь.

Кому я говорил? Моему сыну? Мой сын лишь часть моего Народа. Мудрость тысячи поколений дремлет в тебе. Пробуди её, и ты найдёшь ключ, что откроет дверь к твоим истинным стремлениям. Только тот, кто уважает себя, достоин быть мужчиной.

Только тот мужчина, кто несёт в себе живое прошлое и будущее, потому что может быть выше настоящего времени. И только тот, кто управляет настоящим, успешен; он единственно исполнен. Ведь только в исполнении божественность. Так говорит Голос Наших Предков...